

МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ (БЫЛ ЛИ УРАЛ ЗЕРКАЛОМ РЕВОЛЮЦИИ 1917 В РОССИИ?)

Фельдман М. А.

доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, feldman-mih@yandex.ru

УДК 94(470.5)1917
ББК 63.3(235.55)535

Цель. Изучение событий революций 1917 г. в уральском регионе на основе современных научных подходов.

Методы. На основе сравнительного и системного подходов проанализированы реальные тенденции исторического развития; выделены основные этапы революционных событий 1917 г.; сделан вывод о главных векторах, определивших Октябрьскую революцию.

Результаты. В событиях 1917 г. проявились как общероссийские закономерности, так и специфика Урала. Уральский регион, показав в марте – сентябре 1917 г. меньшую степень политизации отношений в обществе, тем не менее, продемонстрировал все характерные черты событий осени 1917 – зимы 1918 гг., в которых антивоенный формат революции включил в себя требования по рабочему, крестьянскому и национальному вопросам, вошедшие в первые декреты Советской власти.

Научная новизна. В предложенной читателю статье впервые дается оценка соотношения основных сил революционного движения на протяжении 1917 г. в уральском регионе.

Ключевые слова: революция, Россия, рабочие, власть, Уральский регион, промышленность, история, элита.

BETWEEN FEBRUARY AND OCTOBER. (WHETHER URAL WAS THE MIRROR OF THE REVOLUTIONS OF 1917 IN RUSSIA?)

Feldman M. A.

Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66, 8 March str., Yekaterinburg, Russia, 620990, feldman-mih@yandex.ru

Purpose. The study of the events of the revolutions of 1917 in the Urals region on the basis of modern scientific approaches.

Methods. On the basis of a comparative and systematic approaches to analyze the real trends of historical development; the main stages of the revolutionary events of 1917; the conclusion is made about the main vectors that determined the October revolution.

Results. In 1917 emerged as the all-Russian laws and the specifics of the Urals. Ural region, showing a March – September 1917 a lower degree of politicization of social relationships, however, showed all the characteristic features of the events of the autumn of 1917 and winter of 1918, in which the anti-war format revolution has included requirements for a worker, peasant and national questions in going into the first decrees of the Soviet government.

Scientific novelty. In proposed to the reader article first provides an assessment of the ratio of the main forces of the revolutionary movement during 1917 in the Urals region.

Key words: revolution, Russia, workers, government, Ural region, industry, history, elite.

Приближение столетнего юбилея Октябрьской революции 1917 г. подталкивает к определенному подведению итогов исследований, по проблеме характера,

движущих сил, значения революции в России и в ее регионах. Мифы историографии Октябрьской революции 1917 г. не исчезают под давлением критики, а транс-

формируются в новые, далекие от научности конструкции. В исторической литературе XXI века широко представлена *теория заговора либералов*, как определившего весь ход революционного процесса 1917 г. Это не случайно: фактически, порождение «теории элит» – «теория заговора» – (масонского, либерального, леворадикального и т.д.) – как правило, связана с эклектическим подходом к накопленному историческому знанию.

Попытки объяснить революции 1917 г. «заговорами элит» не является чисто российским изобретением. Легенда об «ударе кинжалом в спину» либералов и социалистов – как главной причине поражения германской армии в 1917–1918 гг. – прочно вошла в немецкую историографию уже с 1920-х гг., что не мешает современным серьезным исследователям относить ее к разряду мифологии [1].

Главное достижение отечественной истории последних трех десятилетий – признание России страной *раннего* капитализма с глубокими феодальными пережитками во всех сферах экономической и общественной жизни; глубочайшей дифференциацией в развитии регионов и со слабо развитым рабочим социумом; империей, чей внешнеполитический курс в первые годы XX века нередко носил авантюристический характер, подрывающий реформирование страны [2]; наконец, государства, с многонациональным составом населения, часть которого (прежде всего, в польских губерниях) относилась враждебно ко всему русскому. Однако именно это достижение исторической науки далеко не всегда входит в сознание многих политиков и публицистов.

Как оценить события революций 1917 г., произошедшие в уральском регионе? В чем в этих событиях проявились общероссийские закономерности? В чем заключалась специфика Урала?

Вершиной исследований советской эпохи, посвященных социально-экономическому развитию Урала первых десятилетий XX в., считалась опубликованная в 1982 г., монография Ю. А. Буранова «Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917 гг.)», уверенно утверждающая о победе капиталистического развития, зрелости и силе финансового капитала в регионе [3, с. 170–172, 244–259].

Однако книга Ю. А. Буранова приводила целый ряд убедительных доказательств обратного. Так, например, стремясь решить возникшие финансовые трудности, хозяйства ряда горнозаводских округов Урала произвели переход от такой формы владения как семейно-паевые товарищества, в акционерные общества. Однако, по сути дела, повествует автор, новая форма владения была прикрытием тех же самых семейно-паевых товариществ, поскольку акции были распределены между старыми владельцами [3, с. 170]. Коммерческие банки не вкладывали новых капиталов в уральскую промышленность, а попытки мобилизации помещи-

чьих средств (т.е., средств владельцев горнозаводских округов Урала – М.Ф.) вели к полному и быстрому их истощению. К марту 1917 г. владельцами горнозаводских округов оставались представители старой аристократии: Демидовы, Строгановы, Балашовы, Абамелек-Лазаревы, Белосельские-Белозерские, Львовы. Сохранял владельческие права на земли Чусовского округа, арендованного Камским обществом, князь Голицын [3, с. 168–169]. Напомним, что еще в шести казенных уральских ГЗО собственность принадлежала государству – полусамодержавной монархии.

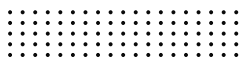
Анализ социально-экономического развития Урала в 1900–1916 гг. подводит к выводам, во-первых, о сохранении горнозаводских округов, основанных на феодальном праве; во-вторых, о крайне слабом уровне развития монополий, по сути представленных синдикатом «Кровля». Такие выводы подтверждает специальное исследование, проведенное в конце XX века безвременно ушедшей Л. В. Сапоговской (1960–2006 гг.) [4]. Ни в одной отрасли промышленности Урала к 1917 г. не возникло объединение типа треста. В ведущей отрасли промышленности Урала – черной металлургии был образован синдикат, координировавший усилия предприятий по продаже только одного из производимых видов продукции, а именно, кровельного железа. Все попытки создать объединения промышленников в железорудной, каменноугольной, асбестовой промышленности не увенчались успехом [4, с. 74–94, 140, 168].

Среди объединений, действующих на Урале, преобладали синдикаты, но и они *заключали соглашения о разделе рынка на короткий срок; функционировали недолгий период*. Что касается трестов – такие проекты были категорически отвергнуты уральскими заводчиками [4, с. 169, 62].

В. В. Адамовым было дано теоретическое обоснование сохранения полуфеодального строя на Урале: ломка устарелых порядков обошлась бы заводчикам потерей большей части акционерного капитала, так как стоимость земельных владений заметно (в 2–3 раза) превышала стоимость производственных фондов [5, с. 172–173]. Дело заключалось в стремлении горнозаводчиков сохранить свои привилегии. Характерно и другое: на Урале к 1917 г. не было ни одного среднего или крупного собственно уральского банка.

Следует заметить, что и в дореволюционной историографической науке [6], и в советской [7], существовало понимание монополий в России, как организаций, возникших не из свободы конкуренции, т.е., продукта капиталистического развития, а по инициативе предпринимателей-дворян, возглавляемых представителями титулованной знати.

Рассматривая соглашения уральских горнозаводчиков, В. Я. Лаврычев подчеркивал: созданные латифундистами Урала синдикаты «Кровля» и «Медь» не явля-

ются «чистыми» капиталистическими монополиями и связаны с системой горнозаводских округов. Аналогичные характеристики были присущи и сахарному синдикату, ряду других общероссийских объединений [8].

Детальный разбор важного сюжета историографии – проблемы соотношения государственной власти и монополий в начале XX в. – позволил В. В. Поликарпову прийти к следующему выводу: ленинский тезис об усилении контроля монополий за госаппаратом, не соответствует конкретным фактам, имевшимся в трудах советских историков. Феодальное государство, не просто имело собственные интересы в экономике, но и *рассматривало крупные фирмы как конкурента*. Оружие госпредприятий выступали постоянные дотации казны. В силу этого, традиция борьбы правительства против синдикатов прослеживалась как в мирные 1909 – 1913 гг., так и в период Первой мировой войны. Даже банковская система в 1914 – 1917 гг. была подчинена интересам царского правительства. В годы Первой мировой войны произошло только *возрастание государственного воздействия на экономику дореволюционной России* [9, с. 51–52].

Как видно, научные результаты дореволюционных специалистов, советских ученых, говорили о *локальности и фрагментарности распространения зрелых капиталистических отношений не только в рамках уральского региона, но в масштабе России*. Речь идет не только о фрагментарности и локальности: слова Гиндина, произнесенные в 1982 г., и сегодня поражают своей смелостью и ... актуальностью: «государственный капитализм в России не является буржуазным» [10, с. 65].

Сохранение до 1917 г. полуфеодальных отношений в промышленности Урала в форме горнозаводских округов, унаследовавших черты вотчинного хозяйства даже в ходе акционирования, переплетения частнокапиталистических и государственных форм собственности, подводило к выводу о возможности одного из двух вариантов развития: эволюционного, реформистского или революционного пути буржуазно-демократических преобразований. Подобный вывод очевиден и для России в целом.

Для успешного выполнения реформистского варианта требовался определенный диалог власти и общества. Рассматривая социальные типы владельцев уральских горнозаводских округов Л. В. Сапоговская писала, что для Урала характерно дробное деление буржуазии: на аристократию и остальных предпринимателей. Проблема предпринимательского корпуса заключалась в том, что верхний слой буржуазии составляли представители аристократии, проживающие в столице. Аристократы выступали, по сути, князьками обособленных территорий – горнозаводских округов (ГЗО) [11, с. 76–87]. Владельцы ГЗО, как правило, прожи-

вали в Петербурге, где и проходили съезды горнопромышленников Урала, что затрудняло диалог с местной властью. Территориальная разобщенность еще больше осложняла консолидацию уральской буржуазии.

Съезды промышленников как форма представительской организации, в том числе и форумы горнопромышленников Урала, получили в России широкое развитие. Однако весь порядок деятельности съездов на Урале был сразу поставлен под жесткий контроль правительственных органов. Все съезды проходили под председательством специально назначавшихся каждый раз служащих горного ведомства. Съезды имели право направлять свои ходатайства по различным вопросам в разные правительственные учреждения, тем не менее, в большинстве случаев эти ходатайства или совсем остались без ответа или возвращались обратно Советам Съездов, что в реальной жизни лишало съезды горнопромышленников представительных качеств и превращало их в организации, выполняющие функции налогового и отчасти земского характера [12, с. 337–338]. В условиях Первой мировой войны и нарастания кризисных явлений это лишало органы исполнительной власти в центре и на местах возможности организованной поддержки со стороны представителей промышленников.

Не обеляя антиправительственных действий буржуазных партий следует заметить: правящие круги сделали очень много, для недопущения конструктивного диалога власти и оппозиции для понимания друг друга. В этой связи, 1907 – 1916 гг., были названы лидером крупнейшей либеральной партии «потерянным десятилетием» [13, с. 271–282].

Таким образом, если на общенациональном уровне Россия оказалась единственной страной из воюющих великих европейских держав, где не возникло правительство национального единства, то на региональном уровне местная власть не пользовалась поддержкой предпринимательских кругов. Перед нами еще одна закономерность политического развития России, заметно увеличившая риски революционных потрясений.

В 1911–1916 гг. на Урале насчитывалось не более 2,2 тыс. членов политических партий, в том числе, 1200 – в РСДРП [14, с. 128]. Для тринадцатимиллионного населения Урала (Вятской, Оренбургской, Пермской, Уфимской губерний) это было ничтожно мало, и вывод о том, что политические партии являлись чужеродным телом в уральской действительности, представляется в целом обоснованным. При неразвитости представительства политических партий возрастала вероятность стихийных потрясений и массовых беспорядков в результате непредвиденных кризисных явлений. Чудовищное по своей силе сжатие Первой мировой войны выявило «пустоты» в системе государственного управления во всех регионах России.

Подведем первый итог: Уральский регион, как и вся Россия, представлял переплетение феодальных и капиталистических отношений. Функционирование госсектора в промышленности проходило преимущественно вне рыночных отношений. Государство препятствовало созданию объединений промышленников, усложняя и без того не простые отношения власти и многонациональной, неоднородной по конфессиональному признаку буржуазии.

Сообщение из столицы о свержении династии Романовых не вызвало какого-либо малейшего сопротивления, или даже неприятия на Урале. В первых числах марта 1917 г. сначала в Вятке, Оренбурге, Уфе, а 4 марта и в Перми губернаторы признали полномочия органов новой власти. Знаменательно, что 3 марта Уральский областной Военно-промышленный комитет однозначно призвал граждан Урала поддержать Временное правительство. С этого момента можно говорить о начале первого периода революции 1917 г. на Урале. Согласно предписания министра-председателя Временного правительства и Постановления Временного правительства от 04.03.1917 г. должности губернаторов ликвидировались с передачей функций комиссарам, являвшимся председателями губернских земских управ. Поскольку губернаторы *передавали свои полномочия* председателям губернских управ, становившихся губернскими комиссарами, возникала возможность эволюционного перехода власти [15, с. 23–24].

В условиях массовой мобилизации населения в годы Первой мировой войны, тяжелых потерь, роста антивоенных настроений многочисленные армейские части стали опорой революционных событий в России и на Урале в феврале – начале марта 1917 г. Российская армия к 1917 г. представляла собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров – насчитывалось 9620 тыс.; еще от 1, 5 до 2,3 млн. солдат и офицеров находились в запасных частях военных округов, в том числе 250 тыс. – в тыловых гарнизонах Урала [16, с. 472,477].

Признанием активного участия военных в событиях февральской революции в уральских провинциях стало избрание военнослужащих на руководящие посты в органы исполнительной власти. Показательно, что назначенные в начале марта 1917 г. губернские комиссары вскоре уступили свои посты младшим офицерам, активно включившимся в процесс революционных преобразований. Только в одной Пермской губернии к июню 1917 г. на различных должностях в органах управления, военно-промышленном и продовольственном комитетах, в органах управления заводских поселков было задействовано 16 офицеров и 20 солдат из состава гарнизонов Пермской губернии. В большинстве административных центров Урала солдаты и младшие офицеры, создавая городскую и уезд-

ную милицию, выступали ее руководителями; входили в состав местных общественных организаций – комитетов общественной безопасности и советов рабочих и солдатских депутатов [17, с. 62–64].

Еще более сложной являлась ситуация в Оренбургской губернии. Спецификой Оренбуржья было сочетание новых структур и органов казачьего самоуправления. После февральской революции в казачьих районах возникло даже не двоевластие, а по образному выражению А. И. Деникина, самое настоящее **троевластие** [18, с. 30].

Сложившаяся весной 1917 г. система управления в уральских губерниях включала в себя как официальные государственные структуры в лице губернских и уездных комиссаров, органы местного самоуправления – земства и городские думы, так и общественные организации – Советы, Комитеты общественной безопасности (КОбы), и др. Представители общественных организаций в органах местного самоуправления, обновленных за весну 1917 г. более чем наполовину, рассматривали себя, прежде всего, как партийцев определенного лагеря, что затрудняло не только налаживание сотрудничества, но и конструктивной практической работы.

Отметим, что полномочия комиссаров Временного правительства даже на губернском уровне не были сколько-нибудь четко определены по закону. У комиссаров не имелось по существу своего аппарата управления, что ослабляло позиции представителей Временного правительства. Уездные и городские комиссары играли менее самостоятельную роль чем губернские, будучи вынужденными лавировать между требованиями губернских комиссаров и местных партийных организаций; советами и Комитетами общественной безопасности (КОБам). Существенной проблемой стала быстрая смена руководителей уездного звена местного самоуправления. Если в марте 1917 г. все уездные комиссары являлись председателями или заместителями уездных земских управ, имеющие определенный опыт управления, то к маю-июню ситуация радикально изменилась. В ходе выборов, инициированных социалистическими партиями, на должности уездных комиссаров были назначены представители левых партий. Таким образом, структурная разнородность системы управления в уральских губерниях дополнялась разнородностью партийной; нестабильностью межпартийных коалиций.

Общим для всех уральских губерний стали аресты офицеров жандармерии и полиции и разоружение полиции. Более того по требованию Исполкома Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов от 12 марта 1917 г. началась мобилизация бывших полицейских и жандармов, агентов сыска и охранной полиции для последующей отправки на фронт. В июне

1917 г. значительная часть бывших чинов охранных силовых структур была отправлена на фронт [19, с. 92]. Результат был очевиден: противовес криминальным элементам, другим нарушителям правопорядка существенно ослаб. С учетом того, что важнейшими прерогативами губернских администраций в дореволюционный период были именно полицейские функции [20, с. 259], объективно это вело к разрыву преемственности управленческого процесса.

Сделаем второй вывод: в уральском регионе, как и на всей территории бывшей Российской империи, революция в феврале 1917 г., резко ослабив и раздробив властные структуры, превратила армию, из одного из важнейших политических институтов государства, в наиболее значимый, решающий. Из опоры государства – в вершительницу государственного устройства. Если командование вооруженных сил свою судьбу связало с лидерами буржуазных партий, то ведущие буржуазные политики, точно также, как и представители всех социалистических группировок рассматривали армию, как механизм для осуществления своих политических амбиций. Судьба Российского государства и в феврале 1917 г., и между февралем и октябрем 1917 г., фактически оказывалась во власти многомиллионной армии.

Вся история 1917 г. была неразрывно связана со становлением *Советов*. Именно Советы стали, согласно официальной коммунистической историографии, той связующей силой, которая помогла большевистской партии организовать выступление народных масс в октябре 1917 г.

В публикациях советских историков содержались весьма примечательные сведения о реальном раскладе политических сил в Советах на протяжении весны 1917 г. Так в марте 1917 г. из 117 Советов, созданных на Урале, в 25 преобладали большевики, из которых 21 Совет находился на территории Пермской губернии; 4 – в Уфимской. На территории Вятской и Оренбургской не было ни одного руководимого большевиками Совета [21, с. 17]. Как видно, ареал большевистского влияния был очерчен и в количественном и в территориальном плане. Практически все Советы, находившиеся под влиянием большевиков, были расположены в социально проблемных заводских поселках Урала. Характерно, что, в ряде заводских поселков Урала Советы еще в марте 1917 г. провозгласили себя **единственной властью** в горнозаводских поселениях [22, с. 151, 153]. Анализ указанной группы поселков показывает: речь идет о рабочих коллективах, чаще всего, предприятий посессионных ГЗО, с запущенными еще в годы Первой мировой войны трудовыми конфликтами. В двадцати заводских поселках Урала по решению советов началось формирование вооруженной рабочей милиции, оказывающей давление на администрацию предприятий.

Тем не менее, доля большевистских Советов в общем количестве Советов на Урале, возникших в марте – июне 1917 г., *неуклонно снижалась*. Это означало, что наибольшим влиянием на Советы большевики обладали в марте. Затем шло последовательное снижение уровня этого влияния в крае. Как и по всей России, на Урале складывалась система **многовластия**: в одном случае это был орган собственно правительства, в другом – некий общественный орган (например, Совет), в третьем земский орган, в другом заводская администрация. Все эти разнородные элементы до поры до времени образовывали единую систему, которая регулировала ритм хозяйственной жизни, поддерживали порядок при помощи такого интегрирующего фактора, как принцип верховенства Временного правительства [15, с. 34, 43].

Локальность большевистского влияния весной 1917 г. была обусловлена не только сложным экономическим положением конкретных заводов в годы Первой мировой войны. *Сказывался и невысокий уровень забастовочного рабочего движения*. Анализ статистических материалов забастовочного движения, опубликованных в 1927 г., свидетельствует (даже с учетом неполноты данных), во-первых, о снижении в разы числа бастующих рабочих и потерянных рабочих дней в марте – сентябре 1917 г. не только в сравнении с январем-февралем 1917 г., но и с 1916 г. Во-вторых, тот факт, что 70,7 % потерянных из-за стачек и забастовок рабочих дней в марте – сентябре 1917 г. приходилось на *протестные акции экономического характера* – подтверждает тезис о самостоятельности интересов и действий рабочего социума в стремительных событиях революции 1917 г. В-третьих, если в дореволюционный период (1895–1916 гг.) доля забастовок, закончившихся для рабочих безрезультативно, составляла 40,7 %, то в марте-сентябре 1917 г. она снизилась до 28 %; (по стачкам эти показатели соответственно равнялись 34,9 % и 23,1 %) [23, с. 152, 157].

Не стоит забывать, и того, что весной 1917 г. не только эсеро-меньшевистские, но и некоторые большевистские Советы поддерживали, пусть и условно, Временное правительство. И это можно рассматривать как уникальную ситуацию гражданского согласия в первые месяцы после Февральской революции, охватившую большинство населения. Более типичной была картина сотрудничества большевиков, меньшевиков и эсеров внутри Советов, а также многостороннего взаимодействия Советов местных органов власти. Такую картину историки зафиксировали в Перми, Нижнем Тагиле, а в целом, в большинстве рабочих поселков посессионных и частновладельческих ГЗО.

По обоснованному определению авторов трехтомника документов «Рабочий класс Урала в годы войны и революции», вышедшему в 1927 г., Советы *факти-*

чески выполняли всю работу профессиональных союзов, сконцентрировавшись на рассмотрении профессиональных вопросов, например, на выработке элементов коллективных договоров. Основы таких договоров к маю 1917 г. имелись на предприятиях Урала в виде соглашений Советов с заводоуправлениями по вопросам регулирования заработной платы [22, с. 25].

Характерен пример Алапаевского Совета, где из 62 вопросов, зафиксированных в сохранившихся протоколах за весну 1917 г., 31 относились к разряду чисто профессиональных; 18 – производственных и только 13 – к области общегражданской сферы. Как видно, *весной 1917 г. Советы горнозаводских поселков Урала достаточно редко занимались политической деятельностью*, обращаясь к ней лишь в случаях угрозы закрытия заводов. В такой ситуации, леворадикальные политические лозунги большевиков, нацеленные на социалистическую революцию, казались абстракцией.

Добавим к этому и то, что законы о труде, принятые Временным правительством, провозгласили ряд изменений в духе требований рабочих. Непредвзятый анализ социального законодательства Временного правительства говорит о позитивных сдвигах в трудовом законодательстве. Доказательством этого служит и преемственность указанных документов с законами о труде советского и белогвардейских правительств. Время весны 1917 г. современная исследовательница называет опытом социального реформирования, пришедшимся на благоприятный период взаимных уступок рабочих и предпринимателей [24, с. 351].

Подтверждение этого тезиса на Урале являлись: фактическое отсутствие до июля 1917 г. фабзавкомов [22, с. 7], говорящее о незаинтересованности самих рабочих в создании организаций, используемых левыми силами для прямого вмешательства в дела производства; образование весной 1917 г. Деловых советов на предприятиях Урала, нацеленных на объединение усилий предпринимателей, администрации заводов и самих рабочих с целью сохранения производства. Демократическая конструкция Деловых советов в реальности выглядела хрупкой, неустойчивой, не совсем демократичной. Фактически это был вариант «плохого классового мира».

Рабочее движение в России, и в ее регионах носило самостоятельный характер [25], находясь до июля 1917 г. преимущественно на умеренных позициях. При всей сложности и противоречивости, период социально-политического развития России и ее регионов в марте-июне 1917 г., в силу взаимодействия органов рабочего самоуправления с властными структурами и предпринимателями; эпизодического характера введения фабзавкомов на промышленных предприятиях *в провинции*; незначительности забастовочного движе-

ния – свидетельствует о сохранении возможности диалога рабочих и органов власти в рамках правового поля

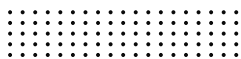
Сделаем третий вывод: несмотря на явное ослабление структур государственного управления, политическая ситуация ни в России, ни на Урале весной 1917 г. не являлась кризисной, вновь допуская возможность одного из двух вариантов развития: эволюционного, реформистского и революционного пути буржуазно-демократических преобразований.

Главной проблемой в отношениях Временного правительства и общества, включая промышленных рабочих, оставался вопрос о продолжении войны. Сама концепция экономической политики Временного правительства брала за образец опыт жесткого государственного регулирования в Германии и воюющей России. Отсюда реализация законов о труде наталкивалась все на те же препятствия: милитаризацию экономики и массовые призывы в армию. Вхождение умеренных социалистов во Временное правительство, продолжавшего непопулярную и обременительную войну, усложнило положение меньшевиков и эсеров. События в столице, известные как «июньский кризис», стали не только шагом на пути эскалации политической напряженности в стране, но и привели к усилению конфронтации внутри лагеря социалистов. В меньшей степени, чем в столице, аналогичные события прокатились и на Урале. Разгон солдатами рабочих демонстраций, запрет на деятельность леворадикальных организаций в ряде горнозаводских поселений [26, с. 285–286], – таков был уральский вариант реакции местных органов власти на антиправительственные выступления в Петрограде в июне и июле 1917 г.

Областные конференции меньшевиков и эсеров осудили «сепаратные» действия столичного пролетариата, организованные большевиками. Параллельно партии социалистов обрушили критику и на кадетов, и друг на друга, подрывая саму возможность единых действий. Временное правительство продолжило реформы в сфере труда [27, с. 338–348], однако, основная проблема заключалась в том, что продолжение войны *девальвировало социальные преобразования*, вызывая разочарование в рабочем социуме.

Тем не менее, и в июне и в июле 1917 г. статистика забастовочного движения в России, казалось, не предвещала осенних потрясений: по данным фабричной инспекции полной или частичной победой рабочих России закончились 86 % забастовок в мае и 82 % – в июне 1917 г. (правда, при увеличении средней продолжительности забастовки с четырех дней в мае до пяти дней в июне) [26, с. 223–228].

Аналогичный вывод позволяют сделать данные о забастовках летом 1917 г. Так, в июле 1917 г. в уральском регионе прошли 13 забастовок, в которых приняли участие всего 1040 человек. Бастовали

Фельдман М. А.

либо рабочие небольших предприятий, либо занятые в отдельных цехах и участках. Не многим изменилась ситуация в августе 1917 г.: забастовочная активность была в основном связана с рабочими одной фирмы – компании «Зингер» [26, с. 395]. Все это свидетельствовало о возможности не только потенциального компромисса рабочих и предпринимателей, но и широкой *реальной практике такого компромисса*.

Вот почему, разделяя общепринятую точку зрения о том, что известные «события 3–5 июля 1917 г. стали водоразделом дальнейшего хода русской революции» [29, с. 36], подтвержденную заметным нарастанием напряженности в отношениях рабочих и предпринимателей на Урале, обращаю внимание на следующее: аналогичного быстрого обострения по линии рабочие – органы власти, свидетельствующего о смене вектора политического развития в регионе, не прослеживалось.

Отмечая проявление общероссийской тенденции полевения настроений рабочих, следует обратить внимание на специфику политической жизни Урала в марте–сентябре 1917 г.: процесс размежевания социалистов шел здесь медленнее, чем в столице. Об этом говорило, в частности, сохранение объединенных социал-демократических организаций в губернских центрах – Уфе, Оренбурге; ряде других городов до начала сентября 1917 г. [26, с. 374–375]. Характерно, что областная (общеуральская) конференция большевиков в середине июля 1917 г. признала возможным объединение с теми из меньшевиков и эсеров, кто был готов отказаться от поддержки курса Временного правительства на продолжение войны. Следует признать: такое соглашение отвечало бы интересам всех социалистических партий и всех социальных слоев внутри рабочего социума.

Отметим и отказ областной конференции большевиков Урала поддержать очередной зигзаг ленинской политики: *снятие* лозунга «Вся власть Советам», а также несогласие областного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (в середине августа) поддержать противоположный программный тезис Ленина: *перехода* всей власти к Советам. Трудно согласиться с тем, что подобные действия отражали «опережение общероссийского процесса» в регионе «в соответствии с давними левацкими традициями» [15, с. 74]. Указанные события, на наш взгляд, свидетельствуют об обратном явлении: в отличие от столицы политическая жизнь в провинции отличалась заметно меньшим политическим накалом.

Продолжение участия России в мировой войне; провал наступления на фронте; крах корниловского выступления; усиления роли Советов в воинских частях и соединениях – фактически лишили воюющую армию и, в еще большей степени, многочисленные запасные части в тылу, единого командования. В результате август 1917 г. стал месяцем очередного полевения

настроений в обществе, изменением соотношения сил в Советах Уральского региона. Большевики, вступив в коалицию с левыми эсерами, укрепили свое влияние в Советах ряде крупных горнозаводских поселений, значительно расширившихся в годы мировой войны: Кыштым, Полевской, Нижний Тагил [26, с. 318]

Перемены в партийном влиянии в Советах наглядно проявились в работе второго Уральского областного съезда Советов, проходившего в Екатеринбурге с 17 по 21 августа 1917 г. На областном съезде произошел ряд примечательных событий, отразивших стремительную эволюцию политической жизни края. Произошел разрыв региональной коалиции меньшевиков и эсеров; более того, часть левых эсеров вступила в блок с большевиками. Поскольку большевикам принадлежало более половины мандатов делегатов, это позволило съезду принять большевистские резолюции. Областной съезд, впервые в России проходивший под руководством большевиков, не только отметил, что *мирный период революции закончился*, но и связал решение всех социально-экономических вопросов с установлением диктатуры пролетариата [30, с. 62]. По вопросу о войне съезд признал, что «единственным путем к миру является завоевание во всех воюющих странах власти рабочими, а в России – рабочими и беднейшими крестьянами» [31, с. 45]. В сочетании с установлением контроля большевиков над профсоюзами [30, с. 62], это означало, что ведущие органы рабочего самоуправления в регионе оказались в руках леворадикалов.

В такой ситуации чрезвычайные меры, предпринятые Временным правительством для борьбы с мятежом генерала Корнилова, сыграли на руку большевикам. Созданные в регионе временные чрезвычайные органы власти – революционные комитеты (центры) оказались, во-первых, вне контроля правительственных структур. Во-вторых, стали еще одним каналом усиления влияния леворадикалов в армии. Более того, в воинских частях гарнизонов Урала массовыми стали отказы солдат исполнять приказы командиров; изгнание неугодных офицеров [15, с. 129]. В-третьих, привели к легальному вооружению рабочих в отрядах Красной гвардии.

Если в середине августа на Урале речь шла об изменении соотношения политических сил в пользу леворадикалов в области *политики*, то с конца августа большевики и левые эсеры получили превосходство и в военной сфере. Об этом говорило создание при большинстве крупных и средних предприятий региона отрядов Красной гвардии; поддержка большевистских лозунгов во многих воинских частях уральских гарнизонов. Неразрывной частью большевистской пропаганды в тыловых частях было настраивание солдат против офицерства, что вело к подрыву и падению армейской дисциплины, росту дезертирства и преступности [30, с. 67].

Сделаем четвертый вывод: продолжение войны блокировало реформистские возможности Временного правительства в центре и сузило – в провинции.

В литературе советского периода, в соответствии с ленинскими характеристиками, присутствовало утверждение о приближении экономической катастрофы в сентябре – октябре 1917 г. Действительность этого не подтверждала: ни один более или менее крупный металлургический или металлообрабатывающий завод в уральском регионе не был закрыт. Более того, сокращение промышленного производства в регионе было незначительным. Работу прекращали либо отдельные цеха или участки, либо мелкие предприятия. Чаще всего причиной остановки производства становилась нехватка топлива. Расстройство транспорта в сентябре-октябре привело к перебоям со снабжением продовольствием в ряде горнозаводских поселений. Нередко это объяснялось бюрократизмом в работе уездных продовольственных управ, не сумевших разъяснить населению содержание закона о хлебной монополии [32, с. 24]. Митинги протеста и даже погромы магазинов имели место в городах Урала, но не носили массового характера. Острыми были и переговоры рабочих и предпринимателей о повышении заработной платы. При всей существенной разнице подходов владельцев предприятий и их работников [22, с. 33], речь, тем не менее, шла о переговорах, сохраняющих возможность достижения компромиссных решений. Как видно, ни экономическое, ни социальное положение в регионе не носили катастрофический характер, закрывающий эволюционный путь развития.

Показательной можно считать реакцию рабочих Урала на призыв второго Уральского областного съезда Советов провести 1 сентября общеуральскую однодневную политическую забастовку под лозунгами «Долой капиталистов, закрывающих заводы!», «Требуем немедленного созыва Всероссийского съезда Советов», а также с осуждением корниловского мятежа. В забастовке приняли участие приблизительно 110 тыс. человек, или примерно одна треть занятых в промышленности края. Интересная деталь: анализ списка бастовавших 1 сентября заводов Урала показывает, что крупнейшие частные предприятия края (например, Надеждинский, Чусовской); подавляющее большинство казенных заводов *не поддержали политическую стачку* [22, с. 332–337]. Как видно, политическую забастовку, как метод решения проблемы, в сентябре 1917 г. осудили не только эсеры и меньшевики, но и большинство рабочих Урала.

Выборы в сентябре-октябре 1917 г. в Советы Урала показали весьма примечательную картину. В Пермской губернии, сосредоточившей основную массу новых механических цехов, выполнявших военные заказы, большевистский призыв к взятию власти поддержали

76 из 140 Советов (т.е. немногим, но, тем не менее, более половины). В то Вятской губернии, где тон задавали крупные казенные заводы Ижевска и Воткинска, только 3 из 34 Советов!

В Уфимской и Оренбургской губерниях, где наряду с проблемными с начала XX в. предприятиями, существовали и успешные на рыночном пространстве заводы и рудники, «референдум сентября» показал примерно равную расстановку сил: большевистский призыв к взятию власти поддержали 12 из 27 Советов в Уфимской, и 6 из 10 в Оренбургской губернии [15, с. 93].

Сам факт поддержки к концу октября 1917 г. лозунга «Вся власть советам» *только половиной* из 216 Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов Урала (без учета волостных крестьянских советов) – примечательное и не осмысленное в научной литературе явление. На наш взгляд, поддержка половиной Советов края прежней демократической системы органов власти в конце октября 1917 г. говорила о возможности альтернативного варианта развития событий.

Характер голосования носил показательный характер, еще и потому, что стал предтечей территориального среза политического поведения рабочих и на выборах в Учредительное собрание и в начале Гражданской войны в уральском регионе. Обратим внимание на то, что даже в конце октября 1917 г. под контролем меньшевиков и эсеров оставались Советы в трех из четырех губернских городах – Перми, Оренбурге, Вятке, ряде уездных центров, а в целом – в почти половине Советов Урала.

В такой ситуации большевики и левые эсеры сфокусировали свою антивоенную пропаганду на солдат запасных частей на территории Урала. Были ускорены и меры по созданию отрядов Красной гвардии. Однако возникает вопрос: какая часть рабочих России приняла *активное* участие в событиях конца октября 1917 г.?

Как известно, аксиомой для публикаций, посвященных истории Красной Гвардии и опубликованных в советское время, были утверждения о том, что «большевики создали по всей стране многотысячную Красную гвардию, как передовой отряд армии пролетарской революции» [33, с. 15]. Утверждение о наличии в России к октябрю 1917 г. в отрядах Красной Гвардии не менее 200 тыс. вооруженных рабочих [34, с. 33], по сути, превратилось в неоспоримую догму.

Беспристрастное обращение к статистическим данным по интересующей нас проблеме, опубликованным в литературе советского периода, позволяет сделать некоторые выводы. Численность Красной Гвардии, согласно данным *в официальной советской литературе*, накануне Октября составляла в России **75 тыс.** человек, а в дни восстания – 200 тыс.; в том числе 40 тыс. – в Петрограде [35, с. 81, 116]. Это соответствовало степени большевизации рабочих в стране и северной столице: если по России к октябрю 1917 г. около

5 % промышленных рабочих были членами большевистской партии, то в Петрограде – 7 % [36, с. 48, 49].

Крупнейший специалист по этой проблеме – В. И. Старцев – еще в 1965 г. в весьма осторожной форме, отметил явную завышенность этих цифр, отчасти, в силу смешения понятий: рабочая милиция, заводская рабочая милиция и собственно Красная гвардия. По его подсчетам, накануне Октябрьских событий в 53 городах и промышленных центрах числилось около **26 тыс.** красногвардейцев, в том числе в Петрограде – 20 тыс., из которых 18 тыс. были вооружены; в Москве – 4 тыс. человек, как правило, плохо вооруженных рабочих [36, с. 195, 292].

Что же касается Урала, во всех отрядах Красной Гвардии, возникших в 35 городах и рабочих поселках, в октябре – ноябре 1917 г. на основании документальных источников и исторической литературы, было зафиксировано 3 тыс. уральских красногвардейцев. [26, с. 430–431].

Даже при определенной неполноте этих данных очевидная немногочисленность отрядов Красной гвардии не требует доказательств, порождая другой вопрос: о подлинной роли отрядов Красной гвардии в событиях Октябрьского переворота.

Анализ *времени создания и порайонного расположения* красногвардейцев приводит к любопытным выводам. Во-первых, о том, что до сентября 1917 г. отряды Красной Гвардии были образованы только в весьма небольшом числе городов и поселков России и уральского края [33, с. 100], объединенных общими признаками: наличием «проблемных», с начала XX в. предприятий, либо концентрацией рабочих, пришедших в 1914–1916 гг. на военное производство (дающее отсрочку от призыва в армию) и оказавшихся на положении маргиналов в новых местах проживания [37, с. 59–60, 86–88].

Во-вторых, заметна незначительность численности красногвардейцев в поселках многих промышленных центров Урала (например, по 50 человек в Надеждинске и Нижней Салде, 40 – в Нижнем Тагиле) и локальность расположения отрядов Красной Гвардии. Если большая часть собственно красногвардейцев России накануне Октября (согласно подсчетам В. И. Старцева по 53 городам и промышленным центрам) – 20 тыс. из 26 тыс. – располагались в Петрограде, то большая часть красногвардейцев Урала (1700 из 3 тыс. чел.) находилась в одной из четырех губерний региона – Пермской. Рабочие действительно доминировали в отрядах Красной Гвардии: 95,9 % красногвардейцев Петрограда, 81,1 % – ЦПР (с Москвой), 75,6 % – на Урале, – приходилось на представителей рабочего социума [33, с. 116].

При этом подавляющее число рабочих-членов партии большевиков участвовало в отрядах Красной Гвардии. Судя по приведенным выше данным из *официаль-*

ной истории рабочего класса советской эпохи, около 10 % промышленных рабочих Петрограда, 5 % – промышленных рабочих России в октябре 1917 г. **активно поддержали** Октябрьское вооруженное восстание, но это не означает, что все они приняли участие в военных действиях.

Даже из официальных, и, как убедительно показал В. И. Старцев, завышенных данных, видно, что две трети красногвардейцев Петрограда (в самой различной форме) были призваны в ряды Красной гвардии уже непосредственно в дни Октябрьского переворота. Примерно такая же часть красногвардейцев оказалась в отрядах Красной гвардии Урала [26, с. 576]. Вряд ли можно говорить о взвешенном продуманном выборе рабочих масс в обстановке многодневных экзальтированных митингов и очевидного захвата власти.

Анализ социального состава отрядов Красной Гвардии показывает преобладание молодых рабочих, уроженцев сельской местности, с небольшим стажем работы в промышленности. Именно в этой социальной группе большевистская пропаганда нашла наибольшее применение [33, с. 261].

В такой ситуации **решающую роль в силовом захвате власти сыграли армейские части**. Как известно, единственным политическим руководителем солдат тыловых гарнизонов с 1 марта 1917 г. в Петрограде, с 6 марта – по всей стране выступали Советы рабочих и солдатских депутатов [33, с. 48–52, 66–67].

Мысль о значительной, и даже решающей, роли солдатских масс в событиях осени 1917 г. в целом в России – в 90-е гг. XX в. прочно вошла в статьи и монографии историков [38].

Характерным можно считать сопоставление численности двух основных социальных групп участников октябрьских событий на Урале: 3 тыс. красногвардейцев и свыше 60 тыс. солдат местных гарнизонов края, попавших под влияние и контроль леворадикального блока большевиков и левых эсеров [39, с. 127, 136] – подводит к выводу о том, кто же сыграл основную роль в установлении советской власти в уральском регионе. События осени 1917 г. на Урале только иллюстрируют основные закономерности российской действительности, вошедшие в историю как «Октябрьская революция».

Для сравнения приведем состав участников октябрьских событий в Москве: 20 тыс. солдат и 5 тыс. вооруженных рабочих, при этом рабочие-красногвардейцы были вооружены только 28–29 октября.

Всего же в отрядах Красной гвардии к 25 октября 1917 г. насчитывалось не более 75 тыс. красногвардейцев, преимущественно плохо вооруженных и слабо обученных рабочих. Только часть красногвардейцев относилась к категории *кадровых, т.е. несущих постоянную службу*. В короткие дни восстания в столицах; в более долгий период захвата власти в провин-

ции, в отряды Красной гвардии были привлечены еще более ста тысяч рабочих, как правило, не принимавших участие в *боевых* действиях. Малочисленность, низкий уровень боевой подготовки красногвардейцев не позволяли Ленину и его соратникам рассматривать отряды Красной гвардии, в качестве решающей силы в октябрьские и послеоктябрьские дни.

Пятый вывод: Социальный взрыв в России не был единственным вариантом развития событий даже в октябре 1917 г. В историческом явлении, получившем название «пролетарская революция» активное участие приняла **меньшая часть** рабочих страны. Но корни марксистской пропаганды проникли в слой пролетариев маргинального толка, отличавшихся особо тяжелыми условиями труда и быта; в группы рабочих, связавших себя с антиправительственными действиями еще во времена народничества.

В условиях Урала это положение усиливалось важным обстоятельством: если индустриальные рабочие формировались, как правило, в среде местных пролетариев, то маргинальную группу рабочих подпитывали те, кого официально называли «пришлые». Владение или не владение земельными участками, собственными жилищами, столь важными для рабочих Урала, превращало взаимоотношения указанных двух групп рабочих в социальный конфликт рабочих-собственников и рабочих-пролетариев.

Очевидно, что среди участников октябрьских событий преобладали солдаты. Это подтверждает правоту тех, кто оценивал переход власти к Советам в качестве формы военного переворота. ***Но военный переворот выступал только верхушечным явлением социальной революции.***

Сложное переплетение осенью 1917 г. четырех основных пластов общественного сознания рабочих, солдат и крестьян — традиционалистского, демократического, радикально-антивоенного и социалистического, происходившее в годы мировой войны [39, с. 220–221, 231] было использовано леворадикальными силами для выработки новых идейно-ценностных установок по отношению к «непролетарским» слоям населения.

В силу этого, назревшие задачи буржуазно-демократической революции преподносились в утопической упаковке социалистического проекта, соединяя на десятилетия утопию и реалистические программы; научные установки и варварские методы.

Доведенные до крайности противоречия столичной социально-политической жизни 1917 г. были транслированы по всей стране, так же, как и модель поведения Петроградского гарнизона — активнейшего участника Февральской и Октябрьской революций — была возведена в норму поведения солдатских масс всей армии. Два выброса столичного политического вулкана: в феврале и в октябре 1917 г. армейские части под воздей-

ствием леворадикалов определили политическую погоду в Петрограде, а затем были направлены для насильственного навязывания населению провинций радикально-уравнительной формы политического устройства — Советского государства. Гипертрофированная роль столицы в революциях 1917 г. подводит к суждению о гарантиях демократии только при равновесии политического веса провинции и столичных городов.

Быстрый захват власти леворадикалами в конце октября 1917 г. в столицах, отдельных крупных городах Урала, опираясь на многочисленные армейские и флотские части и поддержку части промышленных рабочих Петрограда и Москвы, позволяет увидеть в этом ***политический переворот в рамках антивоенного движения.***

Длительный (осень 1917 — зима 1918 гг.) переход власти в руки леворадикалов на Урале [40], в других провинциях России, *отражая меньшую степень политизации общественной жизни и влияния большевистской партии*, осуществляясь с помощью распадающейся, но все еще многочисленной армии; при незначительной поддержке рабочих; немногочисленности большевистских организаций и отрядов Красной гвардии — натолкнулся на более активное сопротивление антибольшевистских сил, позволяя определить события, ***как начальный период Гражданской войны.***

Урал продемонстрировал все характерные черты событий осени 1917 — зимы 1918 гг., в которых **антивоенный формат революции** включил в себя требования по рабочему, крестьянскому и национальному вопросам, вошедшие в первые декреты Советской власти. В мифологизированной советской истории эти документы получили название «первых социалистических преобразований». Даже беглый анализ указанных декретов свидетельствует: ни о какой «пролетарской революции» речи не идет.

«Ядерный взрыв» великой Французской революции 1789–1794 гг. дал мощный импульс как развитию капиталистических отношений в Европе и Северной Америке, так и эпохе колониальных и империалистических войн: за двойственность внутренней и внешней политики мир заплатил страшную плату.

«Термоядерный взрыв» революций в России 1917 г., умноженных на участие десятиmillionной армии в свержении государственного строя, привел к относительной демократизации капитализма и, в то же время, к рождению тоталитарных режимов. «Социалистический проект», нацеленный на создание демократического государства, но в утопических одеждах; мощной индустриальной базы, но вне рыночных законов — стартовал в октябре 1917 г. — и мир действительно изменился. Столетие революций в нынешнем 2017 г. позволяет сделать вывод о великих российских революциях 1917 г. и задать вопрос о том, чем может обернуться практика двойных стандартов?

Литература:

1. Цимбаев К. Н. Историография Ноябрьской революции 1918 г. в Германии // Новая и новейшая история. 2016. №3. С. 110–123.
2. Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., РОССПЭН. М., 2000.
3. Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917 гг.), М., 1982. С. 171–172, 244–259.
4. Сапоговская Л. В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX – XX веков (к характеристике процессов монополизации). Екатеринбург, 1993.
5. Адамов В. В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России (1861–1917). М., 1966.
6. Фармаковский С. П. К вопросу о законодательном регулировании синдикатов и трестов. СПб, 1910.
7. Вяткин М. П. Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. Л., 1965.
8. Лаверычев В. Я. К вопросу об особенностях империализма в России // История СССР, 1971. № 1.
9. Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008.
10. Гиндин И. Ф. Многоукладность в социально-экономической структуре России конца XIX – начала XX в. // Экономические науки. 1982. №2.
11. Сапоговская Л. В. Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке// Развитие металлургического производства на Урале. Екатеринбург, 2001.
12. Рукосоев Е. Ю. Съезды уральских промышленников в конце 19-начале 20 вв. как особая форма взаимодействия правительства и предпринимателей // Уральский исторический вестник. 2000. №5–6.
13. Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Милюков. (ЖЗЛ). М., 2015.
14. Нарский И. В. Политические партии в российской провинции (Урал, 1901–1916 гг.) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX вв. Челябинск, 1997.
15. Бугров Д. В., Попов Н. Н. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 г. Екатеринбург, 1997.
16. Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015.
17. Романов В. И. Армейские гарнизоны Урала в революционных событиях первой половины 1917 г. // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 20. №11. Челябинск, 2007.
18. История казачества Азиатской России. Т. 3. Екатеринбург, 1995. С. 30.
19. Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1983. С. 92.
20. Любичанский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала 1892–1914). Самара-Оренбург. 2007. С. 259, 475.
21. Васковский О. А., Заболотный Е. Б. Итоги изучения социально-политических проблем О.Р. на Урале // Историография истории Урала переходного периода. 1917–1937 гг. Свердловск, 1985.
22. Рабочий класс Урала в годы войны и революций. (Сборник документов в трех томах). Екатеринбург, 1927. Т. 2.
23. Наемный труд в России и на Западе. 1913–1925 гг. (под ред. С. С. Струмилина). М., 1927. Ч. 1. С. 152, 157.
24. Орлова Н. Е. Социальная политика Временного правительства Март-октябрь 1917 г. // К истории русских революций. События, мнения, оценки. М., 2007.
25. Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998.
26. Лисовский Н. К. 1917 г. на Урале. Челябинск, 1967.
27. Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964. С. 338–348.
28. Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993. С. 223–228.
29. Макаренко П. В. Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2008. №5. С. 36.
30. Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и Западной Сибири в период революции и Гражданской войны. Тюмень, 1999. С. 62.
31. Обухов Л. А. Советы на Урале в 1917 г. Пермь, 1992. С. 45.
32. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Документы и материалы: в 6 т.; Т. 1. Пермь, 2008.
33. Цыпкин Г. А., Цыпкина Р. Г. Красная гвардия – ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. М., 1977.
34. Минц И. И. Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской революции // Вопросы истории. 1957. №2. С. 33.
35. История советского рабочего класса в шести томах. Т. 1. М., 1984. С. 81, 116.
36. Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.-Л., 1965. С. 195, 292.
37. Фельдман М. А. Рабочие Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001.
38. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М, 2010.
39. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
40. Фельдман М. А., Поршнева О. С. Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Екатеринбург, 2013.

References:

1. Tsimbaev K. N. Historiography of the November revolution of 1918 in Germany // New and newest history. 2016. №3. P. 110–123.
2. Shatsillo K. F. From Portsmouth world to the First world war. Generals and politics. M. ROSSPEN. M., 2000.
3. Buranov Y. A. Corporatization mining industry Urals (1861–1917), Moscow, 1982. P. 171–172, 244–259.
4. Zaporowska L. V. Gornozavodskaya industry of the Urals at the turn of XIX – XX ve-cov (characteristics of the processes of monopolization). Ekaterinburg, 1993.
5. Adamov V. V. peculiarities of formation of a mining proletariat of the Ural // the working class and labor movement in Russia (1861–1917). M., 1966.
6. Farmakovskiy S. P. To the question of legislative regulation of syndicates and trusts. SPb., 1910.
7. Vyatkin M. P. Gornozavodskogo Ural in 1900–1917. L., 1965.
8. Averichev V. Y. To the question about the features of imperialism in Russia // history of the USSR, 1971. № 1.
9. Polikarpov V. V. From Tsushima to February. The tsarist government, and the military industry in the early twentieth century M., 2008.
10. Gindin I. F. Mixed socio-economic structure of Russia of late XIX – early XX century // the Economic science. 1982. №2.
11. Zaporowska L. V. the Owners of the Ural mining districts: types Ho-neistovaya in postfetalen market// Development of metallurgical production in the Urals. Yekaterinburg, 2001.
12. Rukosuev E. U. the Congresses of the Ural Industrialists in the late 19th and the early 20th century as a special form of interaction between government and entrepreneurs // Ural historical journal. 2000. №5–6.
13. Cherniavsky I., Dubova L. L. Milyukov. (F). M., 2015.
14. Narsky I. V., Political parties in the Russian province (Urals, 1901–1916gg.) // Problems of socio-economic and political development of the Urals in the XVIII XX centuries Chelyabinsk, 1997.
15. Bugrov D. V., Popov N. N. The burden of missed opportunities: the Urals in 1917 Ekaterinburg, 1997.
16. Buldakov V. P., Leont'eva T. G., the War that spawned the revolution. M., 2015.
17. Romanov V. I. Army garrisons in the Urals in the revolutionary events of the first half of 1917 // Bulletin of the Chelyabinsk state University. History. Vol. 20. №11. Chelyabinsk, 2007.
18. History of the Cossacks of Asian Russia. Vol. 3. Ekaterinburg, 1995. P. 30.
19. Popov N. N. The struggle of the Bolsheviks in the Urals for the soldiers in three revolutionary papers. Saratov, 1983. P. 92.
20. Lyubechanskii S. V. Provincial administration and the problem of the crisis of authority in late Imperial Russia (on materials of Ural 1892 to 1914). Samara-Orenburg. 2007. P. 259, 475.
21. Vaskovskaya O. A., Zabolotny E. B. the results of the study of socio-political problems of O.R. in the Urals // Historiography of the history of the Urals in transition. 1917–1937. Sverdlovsk, 1985.
22. The working class of the Urals during the war and revolutions. (Collected papers in three volumes). Ekaterinburg, 1927. Vol. 2.
23. Wage labor in Russia and in the West. 1913–1925. (ed. by S. S. Stroomi-Lina). M., 1927. Part 1. P. 152, 157.
24. Orlova N. E. Social policy of the Provisional government, March–October 1917// History of the Russian revolutions. Events, opinions, evaluation. M., 2007.
25. Churakov D. O. Russian revolution and worker self-management. M., 1998.
26. Lisowski N. To. 1917 in the Urals. Chelyabinsk, 1967.
27. Volobuev, P.V. the proletariat and the bourgeoisie in Russia in 1917. M., 1964. P. 338–348.
28. Galili Z. Menshevik Leaders in the Russian revolution. M., 1993. P. 223–228.
29. Makarenko V. P. of the German factor in the October revolution of 1917 // Questions of history. 2008. №5. P. 36.
30. Moskovkin V. V. the Confrontation of political forces in the Urals and Western Siberia in the period of the revolution and the Civil war. Tyumen, 1999. P. 62.
31. Obukhov L. A. Soviets in the Urals in 1917, Perm, 1992. P. 45.
32. The society and government. Russian province. 1917–1985. Documents and materials: in 6 volumes; vol. 1. Perm, 2008.
33. Tsyppkin G. A., Tsyppkina R. G. Red guard – shock power of the proletariat in the October revolution. M., 1977.
34. Mintz I. I. About the coverage of some issues of the history of the great October revolution-Russian revolution // Questions of history. 1957. №2. P. 33.
35. The history of the Soviet working class, in six volumes. Vol. 1. M., 1984. P. 81, 116.
36. Startsev V. I. essays on the history of the Petrograd red guards and workers ‘ militias. M.-L., 1965. S. 195, 292.
37. Feldman M. A. the Workers of the Urals in the 1914–1941. Yekaterinburg, 2001.
38. Buldakov V. P. Krasnaya Smuta: the nature and consequences of revolutionary violence. M., 2010.
39. Porshneva O. S. Peasants, workers and soldiers of Russia before and during the First world war. M., 2004.
40. Feldman M. A., Porshnev S. O. the Power and the workers of Russia and the Urals in the Civil war: problems of relations. Yekaterinburg, 2013.